

ДМИТРИЙ
ГЛУХОВСКИЙ

**ДМИТРИЙ
ГЛУХОВСКИЙ**

**РАССКАЗЫ
О РОДИНЕ**

**Издательство АСТ
Москва**

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г55

Дизайн обложки и иллюстрации — *Василий Половцев*
Портрет Дмитрия Глуховского — *Василий Кудрявцев*,
обработка — *Илья Якуевич*

Глуховский, Дмитрий Алексеевич.
Г55 Рассказы о Родине : [сборник рассказов] / Дмитрий Глуховский. —
Москва : Издательство АСТ, 2021. — 224 с. — (Бестселлеры Дмитрия
Глуховского).

ISBN 978-5-17-135992-8

«Рассказы о Родине» — смелая, чуть ли не наглая книга. Возможно, первая попытка дать новое — честное, точное — описание нашей страны за долгое время. Настоящий и фальшивый патриотизм, Россия живая и Россия телеэкранный, власть и люди...

Дмитрий Глуховский берется за самые важные, самые острые темы сегодняшней нашей жизни и говорит о них тем тоном, которым при СССР рассказывали политические анекдоты. Острая, искренняя, наболевшая книга. Бомба. Смех сквозь слезы. Новая литература.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-135992-8

© Д.А. Глуховский, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2021

*Все имена героев, организаций, компаний
и государств в этой книге являются вымышленными,
и совпадения их с именами
и названиями реально существующих людей,
организаций и государств — случайны.*

FROM HELL

— Михаил Семенович! Проснитесь! Там такое... — потряс профессора Штейна за плечо ассистент.

Профессор закричал и повернулся на другой бок. Ничего «такого» в этой бездарной и бессмысленной экспедиции быть не могло. Ничего, кроме кровожадной мошки, способной, наверное, сожрать за десять минут целую корову. Ничего, кроме комаров размером с откормленную дворнягу, ничего, кроме пота и водки. Да, еще пыль, грязь и камень.

Поперся на старости лет.

— Пшел, — предложил Штейн ассистенту.

— Михаил Семенович! — Тот не сдавался. — Михаил Семенович! Бур провалился! И мы что-то нашли!

Профессор раскрыл глаза. Сквозь брезент палатки просачивались первые лучи восходящего солнца. У изголовья валялась пачка анальгина и граненый стакан. Рядом лежала общая тетрадь с его теоретическими выкладками. Когда экспедиция закончится, он сможет мелко нарезать эти клетчатые листочки, заправить их подсолнечным маслом и сожрать. Зря потраченное время. Потому что, если Штейн посмеет представить свои теории в Академии наук, там научные оппоненты поместят в него эту тетрадь уже своим способом. Ректально.

— Михаил Семенович! — отчаянно протянул ассистент. — Люди всю ночь работали... Вас только в последний момент уже стали будить, когда поняли, что нашли...

— Что нашли? — наконец очнулся профессор.

— Мы не знаем!

Штейн вскинулся, зябко обнял волосатые плечи, выдохнул:

— Ладно. Иди там... Я сейчас. Соберусь...

Неужели они нашли то, за чем ехали в эту идиотскую экспедицию? Экспедицию, из-за которой он поругался с женой. Из-за которой пошел на обострение

ДМИТРИЙ ГЛУХОВСКИЙ

со своим хроническим простатитом и остеохондрозом... А ведь вроде научились мирно сосуществовать за последние двадцать лет! В экспедицию, из-за которой Штейн после мирной кабинетной работы решил снова выбраться в поле.

И зачем ему это все было?

А затем, что довольно успешный и довольно признанный доктор геолого-минералогических наук, профессор Михаил Семенович Штейн, советский и российский ученый, был совершенно недоволен своим положением. Он шел в науку, чтобы стать великим. Чтобы сделать открытия, которые смогли бы перевернуть мир. А наработал в лучшем случае только на полторы строчки в энциклопедии. И случись ему откинуть копыта, эти бессмертные ослы в Академии наук еще придут потоптаться на его могиле, а потом сделают все возможное, чтобы статью в полторы строчки даже не включали в переиздание! Вражье...

— Господи, да что же там такое?! — вскрикнула на улице девушка.

Бабы.

Штейн натянул портки, посадил на нос очки — как у Киссинджера, — напялил накомарник и ткнул непослушные ноги в резиновые сапоги. Век бы он не видал этой полевой романтики! Отчего-то, когда с возрастом становится невозможно крутить башкой по сторонам, пропадает и желание ею крутить. А вот какой у него замечательный и уютный кабинет! Там тепло и нет клещей, и нет мошек, и сортир в десяти шагах по коридору, и, чтобы вскипятить чаю, не надо посылать никого за водой к реке...

А тем временем именно в этом кабинете он сделал важнейшее открытие: предположил новое место разлома земной коры. Если он оказался бы прав, всего через три-четыре миллиона лет территория нынешней России окажется разорвана между двумя новыми континентами! А это уже вопрос государственный.

Но, конечно, за такую крамолу первосвященники из Академии сразу его распнут. Если только он не сумеет предоставить доказательств... Пробы пород... Свидетельства процессов, которые идут уже сейчас — пока на больших глубинах...

Назавтра после своего юбилея — праздновал семьдесят пять — он все-таки решил. Скрупулезно рассчитал, где должно находиться искомое место, договорился со старым другом, который из геологоразведки пошел в директоры горнодобывающего комбината, выбил грант, поспорил с женой, забил полчелюда лекарствами, проворочался трое суток в поезде, потом протрясся еще трое на «козле» по бездорожью, а теперь вот уже полгода торчит в сибирской глуши.

FROM HELL

И все тщетно.

— Профессор! Ради бога, взгляните на это!

Мамонта кусок, что ли, откопали? Или трилобита какого-нибудь?

Штейн откинул полог палатки, прошаркал мимо охраны за частокол — мало ли в тайге зверья — и остановился у входа в шахту. Вокруг толпились рабочие, геологи, стоял с двустволкой наперевес сторож. Люди испуганно перешептывались, тыча пальцами...

Что же там такое?! Штейн протиснулся внутрь круга.

В середине лежала, подергивая огромными кожистыми крыльями, омерзительная тварь. Из разможенной плоской башки натекла лужа черной крови. Взгляд зеленых глаз с узкими горизонтальными зрачками был неподвижен. Но веки опускались и поднимались еще время от времени, а ребра вздымались в редких тяжелых вдохах.

— Никита подстрелил, — сообщил Штейну ассистент, кивая на алкоголика сторожа.

— Я сначала думал — белочка, — икнул Никита, зачем-то вытирая руки о грязный тельник. — То есть — все, белочка.

Профессор подошел к твари поближе и ткнул ее резиновым наконечником своей палки.

— Откуда оно взялось? — спросил он.

— Из шахты, — отозвался кто-то из рабочих.

— И как же, интересно, оно попало в шахту? — обернулся на голос Штейн.

— Оно там... было, — шепотом ответил рабочий. — Мы его освободили.

— Исключено, — отрезал профессор. — На глубине три километра? Это антинаучно!

Внезапно бестия вздрогнула и подняла голову. Горизонтальные, словно у козы, зрачки, совершенно неуместные на отвратительной хारे, нацелились на Штейна. Пасть, на акулий манер усеянная острыми клыками, раскрылась...

И тварь загоготала.

Чудовищный, невозможный звук: смесь хохота и басовитого, слишком низкого для человеческого горла бараньего блеяния.

Отсмеявшись, она запрокинула голову и подохла. А еще через несколько минут, когда солнце окончательно вышло уже из-за сопки, под его прямыми лучами туша вдруг задымилась и сгнула.

— Антинаучно, — глядя на бурю лужицу сквозь запотевшие очки, повторил Штейн.

ДМИТРИЙ ГЛУХОВСКИЙ

* * *

«Россия поможет Ирану построить ядерный реактор» — ползла по экрану новостная строчка. Диктор что-то шлепал губами, но звук у этих телевизоров был не предусмотрен.

«Черт знает что происходит, — покачал головой профессор. — Зачем нам это? Ради миллиарда-другого? Неужели не понимают, что может жახнуть на весь Ближний Восток?»

Впрочем, спасибо. Хотя ненадолго отвлекся... Потому что сейчас, в минуты вынужденного безделья — пока не позовут на посадку, Михаилу Семеновичу было совсем непросто в одиночку отбиваться от насевших тревожных мыслей.

Из проклятого иркутского аэропорта Штейн улетал с некоторым страхом. После обнаружения странного создания над экспедицией словно повис страшный рок. Сторож спился и утонул, занятые на шахте рабочие после очередной смены сбежали в тайгу и пропали там с концами, одного из геологов неожиданно поразил лунатизм, и во сне он попытался с топором пробраться в профессорскую палатку.

Что место нехоршее, можно было сообразить и раньше.

Например, когда выяснилось, что ровно в той точке, где Штейн собрался бурить, находится старая шахта. Кто и когда тут копал, установить было нельзя. Самое раннее — при Ермаке. В шахте нашли кости — совсем уже истлевшие, но, несомненно, человеческие.

Бригадир рабочих, из местных, насупился, напросился к профессору на конфиденциальный разговор и сообщил, что бурить тут не советует, а если Штейну очень надо, то его люди согласятся только за двойную плату. Профессор сбил цену на семьдесят процентов. Бригадир сумел-таки перебороть суеверия по компромиссной цене. Но, возможно, стоило к нему прислушаться...

Потом — эта история с крылатой тварью, так и не получившая никаких вразумительных объяснений.

А потом...

А потом бур повис над бездной.

Огромной, нескончаемой пустоты. Вроде пещеры — если забыть, что на такой глубине никаких пещер быть не могло. И одно это открытие уже обещало профессору некоторое бессмертие.

Только теперь как докажешь?

FROM HELL

После того, как бригадир спустился в шахту с ящиком динамита и подорвал себя там на километровой глубине?

Теперь уже никому ничего не докажешь.

Что уж говорить об открытии настоящем, ошеломляющем, которое было сделано вскоре после обнаружения пустот? Профессор — атеист советской чеканки и космополит по безвыходности — сжал в руке образок. Нет, лучше не заикаться даже.

— Иркутск—Москва, на посадку! — завопила пергидрольная хабалка в старорежимной униформе.

Штейн украдкой прижал образок к губам.

Было бы неудобно, если бы коллеги застали за целованием иконы. Хотя, говорят, Эйнштейн вот верил — и ничего. А хоть бы даже и застали! В такой истории подстраховаться перед полетом не помешает..

А что в Москве? Куда он там сунется со своей доказательной базой? Чего стоят свидетельства геологов, половина из которых летит домой в смиренных рубашках? И все, что у Штейна есть в арсенале, — электронные файлы с записанными звуками, — в бездну спускали эхолоты и микрофон. Теперь, если файлы не размагнитятся и не сотрутся по пути назад, у него есть записи страшных воплей, чрезвычайно похожих на человеческие, и рычания неизвестных чудищ.

Маловато, чтобы перевернуть вверх тормашками всю науку.

Недостаточно, чтобы обосновать совершенное Штейном открытие.

А ведь он открыл Преисподнюю!

* * *

— Дедушка, тебя к телефону! — выговорила Алиса.

— Спасибо, зайка моя, иду!

Михаил Семенович нехотя оторвался от своего старого компьютера. Подумал, распечатал страницу, положил ее в стопку и придавил сверху булыжником селенита. Набиралась уже довольно внушительная пачка. Его крестовый поход на Академию наук. Пусть старперы горят на кострах Инквизиции! Ведь Инквизиция теперь непременно потребуется... Ничего, просто немного перепрофилируют одну действующую организацию, которая прилично набила руку в охоте на ведьм.

ДМИТРИЙ ГЛУХОВСКИЙ

Идти недалеко — из одной комнаты, заваленной образцами минералов и заешанной картами (тут же и дээспэшная, под орех, румынская кровать на двоих), — в другую, как бы гостиную (потому что там стоит телевизор и постелен азербайджанский ковер, а в остальном — те же минералы и карты).

— Штейн, — сказал Штейн.

— Михаил Семенович, — зашуршал в трубке неживой голос. — Рекомендую вам немедленно прекратить вашу работу.

— Какого черта?! — возмутился профессор. — Кто говорит?

— Говорят из больницы Алексева, — прошелестел угрожающе собеседник. — У нас тут проходит реабилитацию один из ваших коллег...

— Вам меня не запугать! — заорал Штейн. — Слышите?! Вам меня не запугать!

В трубке тихо засмеялись.

Алиса, которая под аккомпанемент телевизора строила из томов Большой Советской Энциклопедии тридцать пятого года выпуска домик для своих кукол, перепуганно уставилась на деда огромными синими глазами.

— «Москва выступает категорически против введения санкций в отношении КНДР, — заполнил тишину телевизор. — Народ Северной Кореи имеет полное право развивать мирную атомную энергетику. Пхеньян неоднократно доказывал свою приверженность мирному процессу и является надежным и предсказуемым партнером, — говорится в заявлении российского МИД».

«Да что же это такое-то? — досадливо подумал Штейн. — И эти тут еще продолжают... А наши-то, главное! Наши-то куда лезут... Нашим-то это зачем?»

— Михаил Семенович, — позвал его голос. — Если вы вздумаете куда-нибудь с вашими бумагами идти, мы за вами сразу «неотложку» отправим.

— Не запугаете! — сказал Штейн.

— Запугаем, — заверил голос.

И гудки.

— Дедушка, — Алиса притронулась к его колену, — у тебя все хорошо?

— Не знаю... Не очень.

Штейну не хватало сил даже подняться с кресла у телевизора.

— «У пенсионерки Нины Николаевны, — камера поехала по просторной трехкомнатной квартире, — жизнь налажена. Но в этом месяце ее пенсия будет повышена на семь целых и три десятых процента, и все станет еще лучше», — перед объективом предстала румяная и подтянутая старушка, гоняющая чай на милой и уютной кухне.

FROM HELL

— Дедушка, — серьезно произнесла Алиса, — у меня к тебе вопрос. А почему в телевизоре все такое яркое? И почему всегда у всех все хорошо? Так разве бывает?

— «В этом году ассигнования на науку увеличатся на семнадцать процентов, — тут же пообещал ящик. — Наш корреспондент Иван Петров заглянул в научный центр в Королеве и ознакомился с новейшими технологиями! Тут гагаринскую центрифугу используют для лечения болезней позвоночника...»

— А это, Алисочка, потому, — рассеянно ответил Штейн, — что телевизор — это окно в другой мир. В волшебную страну Зазеркалье. Там все очень-очень похоже на то, как у нас, но все по-другому. Там люди все счастливые, и у всех все получается. И денег всем хватает.

— Антинаучно, — поморщила носик Алиса.

— Других объяснений нет, — вздохнул профессор.

— Дедушка, — поразмыслив, сказала девочка, — а в это твое Зазеркалье можно как-нибудь попасть? Хоть на минуточку?

— Надо очень хорошо учиться, — соврал Штейн. — Ладно, зайка, я пойду поработаю еще...

— «Тем временем в России открыто крупнейшее в мире газовое месторождение, — сказал диктор. — Запасы природного газа месторождения Сахалин-4, по предварительным оценкам, составляют более полутора триллионов кубометров. Компания «Газпром» заявила, что...»

«Вот, — мрачно подумал Штейн. — Нечего было заниматься тектоникой. А надо было из геологоразведки туда идти, к газовикам. И не куковал бы сейчас в поганой двушке в Чертанове, а проживал в барском особняке на Рублевке, и звонили бы не из Кащенко, а из Администрации Президента — орденами награждать, за заслуги перед Родиной».

Есть ведь и среди геологов счастливые люди.

Только Михаилу Семеновичу в те двери стучаться уже поздно. Жизнь прошла, все выборы сделаны десятилетия назад. Остается бороться, отстаивать свое. Доказывать. Пусть и нет доказательств.

А Алиса посидела-посидела со своими куклами и полезла к телевизору — смотреть, что там у аппарата с другой стороны.

Вдруг — дверка?